

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

УДК 821.161.1-4

DOI 10.37386/2305-4077-2026-2-55-68

© Г. М. Маматов¹

*Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Россия)*

© Е. В. Тырышкина²

*Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)*

РЕЦЕПЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИДЕЙ НОВАЛИСА В ЭССЕИСТИКЕ ЭЛЛИСА

В статье изучается рецепция эстетических идей Новалиса в эссеистике Эллиса (Л. Л. Кобылинского) в контексте теории русского символизма. Рассматриваются понятия духовного идеала и творческого созерцания. В предлагаемом исследовании показан «новалисовский» диалог Эллиса с А. Белым и Вяч. Ивановым, на материале статей и очерков Эллиса выявляется его самобытная концепция творческого акта, где он выходит за рамки теории младосимволистов.

Ключевые слова: Эллис, Новалис, йенский романтизм, русский символизм, кружок аргонавтов, духовный идеал, концепция созерцания

Gleb M. Mamatov

Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Elena V. Tyryshkina

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

RECEPTION OF NOVALIS'S AESTHETIC

¹ Глеб Максимович Маматов – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры филологии ФГО НГТУ (Новосибирск, Россия). ORCID: 0000-0003-0625-3853. E-mail: G.M.Mamatov@yandex.ru.

² Елена Викторовна Тырышкина – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ИФИМ НГПУ (Новосибирск, Россия). ORCID: 0000-0002-0215-4949. E-mail: elena.tyryshkina@gmail.com.

IDEAS IN ELLIS'S ESSAYS

The article examines the reception of Novalis's aesthetic ideas in the essays of Ellis (L. L. Kobylinsky) in the context of the theory of Russian symbolism. The concepts of spiritual ideal and creative contemplation are examined. This study presents Ellis's "Novalisian" dialogue with A. Bely and Vyachaslav Ivanov. Ellis's articles and essays reveal his distinctive conception of the creative act, which goes beyond the theory of the Young Symbolists.

Keywords: Ellys, Novalis, Romanticism of Jena, Russian symbolism, cycle of Argonauts, spirit ideal, conception of contemplation

Влияние Новалиса на символистов младшей и старшей школ исследовано многими российскими филологами. Следует отметить диссертации Е. В. Давыдовой [Давыдова, 2001, с. 68–134] и О. Е. Молдавской [Молдавская, 1997], а также ряд статей, освещающих тему «Новалис и русская литература» [Севастьянова, 2014], [Вахтель, 2011], [Денисова, Лоцилов, 2018] и др. Белым пятном в научной литературе, посвящённой восприятию Новалиса в русском символизме, остаётся Л. Л. Кобылинский, известный под псевдонимом Эллис. Его поэзии посвящено немало статей и диссертация Е. А. Глуховской [Глуховская, 2010, 2013а, 2015, 2020]. При очень глубоком осмыслении генезиса лирики Кобылинского, она не касается его творческих связей с немецкими романтиками йенской школы, но отмечает, что литература Германии привлекала его внимание [Глуховская, 2013б, с. 15]; на факт этого влияния указывает и Ф. Поляков [Поляков, 2021, с. 313]. В частности, это касается культа Марии, о котором поэт пишет в трактате о Данте «Учитель веры» (1914) [Эллис, 2000, с. 233].

Эссеистика Эллиса изучена не так подробно, как его лирика, а потому предлагается рассмотреть проблему рецепции эстетических постулатов немецкого романтика в его трудах. Новизна предлагаемой статьи обусловлена тем, что в исследовательский оборот вводится ранее не изученный материал трудов поэта, в которых «новалисовский след» достаточно значим, а раскрытие предложенной в исследовании темы ведет к более полному пониманию влияния Новалиса на русский символизм, к выявлению точек соприкосновения и отталкивания. Наследие романтика – объект изучения, полемики, отчасти – материал для создания собственных произведений Эллисом. Предмет исследования – концепция созерцания Новалиса и тема идеала в статьях поэта-символиста.

Среди представителей младшей школы русского символизма творчество Новалиса подробно отрефлексировано в трудах Вяч. Иванова, который считал символистов преемниками йенского романтика («Голубой цветок. Конспект лекции») [Иванов, 1987, т. 4, с. 739]. Иванов полагает, что голубой цветок воплощает

собой Мировую Душу, с которой «связано всё наиболее живое в поэтическом – лирическом творчестве» [Там же]. В голубом цветке воплощена связь между искусством и христианством, а потому Новалис становится в мировоззрении Иванова первым визионером в лирике [Там же, с. 740]. Он отмечает, что Новалис стремился постичь «третье царство»: «Голубой Цветок – это Небо, проникающее землю. Тайна “небесной земли” – символ земли-невесты, освобожденной от “князя мира сего”. Хотя правоверный католик (оставшийся официально протестантом), Новалис не удовлетворяется обычным, внешним понятием о христианстве. Третье, что соединяет его с современными искателями – это его надежды на раскрытие в душах третьего царства» [Там же, с. 740]. В трактате «О Новалисе» голубой цветок интерпретируется как религиозный символ, синтезирующий Логос и Софию, небесное и земное, дух и плоть [Там же, с. 264–265]. Другой трактовкой голубого цветка является понимание его как символа единства Эроса и Танатоса; смерть у Иванова необходима для победы и торжества высшей любви Генриха, воскрешения и обретения погибшей Матильды, небесной невесты [Там же, с. 275]. Новалис становится воплощением истинного поэта, Пророка, обрётшего Мировую Душу, подобного Орфею, неудивительно, что фигура немецкого поэта, сопоставляемая со Скрыбиным в сонете «Он был из тех певцов...», имеет орфические черты. Таким образом, Вяч. Иванов не только считает Новалиса предтечей символистов, но и «ассимилирует» его идеи в контексте эстетики этого направления.

Эллис оспаривает идеи Вяч. Иванова в своих статьях. Прежде всего, это касается понятия дионисийского идеала, являвшегося константным в поэтике Иванова. Эллис интерпретирует образ Диониса в христианском ключе («Vigilemus!»): «Сирые эти боги... Трагизм Диониса ещё и в том, что в жажде космической беспредельности он не может <...> обходиться без своего противоположа Аполлона. <...> Вот исконная диада религии Диониса: “он – жертва, и он же – жрец”, говорит <...> Вячеслав Иванов <...>. Но, заменив слово “диада” словом “самоотрицание”, мы увидим перед собой бога-самоубийцу, т.е. Люцифера...» [Эллис, 2000, с. 260]. Дионис подобен Люциферу, падшему ангелу, наказанному Богом за его тщеславие, что и обуславливает обозначение его как «сирого бога». При этом размышления Иванова, касающиеся христианства, важны для Эллиса, а потому он сопоставляет духовные поиски поэта с поисками рыцарями Короля Артура Святого Грааля («По звёздам»): «Разные рыцари различным видели Грааль, но все они искали только Грааля <...>. Внутренняя религиозность всех исканий Вяч. Иванова сообщает его книге <...> особенную значительность. <...> Проникновенно толкование символизма Леонардовой “Вечери” и вообще

понимание Христа как внутреннего мистического пути <...>» [Там же, 2000, с. 151–152]. В связи с христианским уклоном в своих философских взглядах, Эллис часто упоминает Р. Вагнера и Данте Алигьери, однако очевидны и отсылки к Новалису («Лебедь “Молодой Бельгии”»): «Глубокая внутренняя “музыка мечты” <...>, высокий идеализм, внутренне присущий романтизму, с его культом вечного и беспредельного, и неизбежно вытекающий отсюда трагизм – вот те неизменные свойства <...>, которые ...приводят все поэтические души к порогу романтизма! Вот почему мечта всего человечества вновь и вновь осуждена <...> к исканию все того же таинственного цветка, голубой гвоздики!» [Там же, 2000, с. 53]. Гвоздика в средневековой геральдике осмысливалась как символ святости и рыцарства, а потому её упоминание вплетается в христианские взгляды Эллиса: «Возвратясь на родину, обожавшие своего доброго короля крестоносцы приносят с собой на память о нём и его гвоздику. <...> Однако её целебность они приписывают не свойствам самого растения, а святости Людовика IX <...>. По этой же причине, вероятно, <...> Линней дал ей <...> научное название *Dianthus*, т.е. божественный цветок» [Золотницкий, 1992, с. 34]. Одними из главных тем творчества Эллиса являются рыцарство и христианство («Кёльнскому собору», «Мария», «Рыцарь двойной звезды» и др.). Истинный стихотворец – рыцарь, идеалист-созерцатель, чья трагедия заключается в противопоставлении потустороннего и посюстороннего, из-за чего поэт-искатель должен стремиться к постижению тайны сквозь покровы видимого мира (голубой цветок). В связи с этим, романтизм и символизм не могут быть противопоставлены [Эллис, 2000, с. 53]. Суть поэтического искусства для Эллиса заключается в особом состоянии «высокого мечтания», созерцания, позволяющего узреть запредельные миры, заставляющего истинного поэта искать «голубые гвоздики», растущие в «чудесном царстве» [Там же, с. 85]. Настоящий художник может быть определён лишь по глубине его погружения в сферу ноуменального («Наши эпигоны») [Там же, с. 85].

Для Новалиса созерцание – это работа художника, облекающего видимое им во внешнем мире явление в иную форму: «В знаке превалирует понятие, в образе – созерцание, языковой или понятийный образ» [Новалис, 2014, с. 61]. Истинный творец должен провести сложную внутреннюю работу над собой, сконцентрировать все свои духовные силы для создания шедевра, при этом созерцание неотделимо от наблюдения за внешним миром: «Самоотчуждение – источник унижения, но и фундамент истинного возвышения. Первый шаг – взгляд внутрь – изолирующее созерцание самости; <...>. Второй шаг – энергичный взгляд вовне – самодеятельное, активное наблюдение внешнего мира» [Там же, с. 58]

с. 91]. Именно это самоотчуждение или уход в себя, дарует творцу внутреннюю свободу, переживание трансцензуса: «Для нас уйти в себя – это абстрагироваться от внешнего мира. Для духов земная жизнь означает по аналогии внутреннее созерцание, вход внутрь себя, имманентное действие. <...> Это показывает, насколько относительноны выход из себя и вход в себя. То, что мы называем входом в себя, есть на самом деле выход – новообретение первообраза» [Там же, с. 94–95]. При этом художник «и с помощью сочетания рассудка с воображением» продуцирует реальность [Чернявский, 2025, с. 94]. И. В. Чернявский пишет о мистицизме немецких романтиков как о постижении внешнего мира через внутреннее [Там же, с. 76]. Мимесису, как принципу отражения видимого мира в искусстве, Новалис противопоставляет осмысление творчества как «окна» в идеальную феноменальную действительность [Там же, с. 89]. Познание «сверхчувственным способом» зиждется на «магическом созерцании», которое базируется на возвышении отдельных явлений мира до абсолюта и связано в большей степени с чувственным познанием, растворением индивидуального в универсальном: «В магическом созерцании субъект сливается с универсумом, но не теряет своего Я в нём. Если природа является тезисом, индивидуум – антитезисом, то их синтезом как раз и становится магическое созерцание» [Там же, с. 93]. Данная мысль иллюстрирует идею о созерцании как способе слияния с Мировой Душой.

Идею о созерцании Эллис развил в своей работе «Итоги символизма» (1909) в русле символистской теории Вяч. Иванова «a realibus as realiora»: «... созерцание должно направляться не от реального, а сквозь реальное, сквозь видимое к бесконечному невидимому» [Эллис, 2000, с. 139]. Этот медитативный акт Эллис видит как двуединый, где выход за границу чувственно-ощущаемого связан с условием изменения самого субъекта: «...углубление созерцания и углубление объекта, требуют, прежде всего, очищения и напряжения субъекта, работы над собой духа, т.е. самоусовершенствования» [Там же]. Истинный художник не должен уйти в себя, созерцание есть процесс познания мира как символического космоса, в котором каждое явление или предмет должны быть пронзены созерцающей работой художника и осмыслены им. Как и Новалис, Эллис выступает в своей эстетике защитником «чистого искусства», автономного от социально-политических вопросов [Данилович, 2015, с. 86]. Концепция созерцания у него отличается от концепции йенского романтика. Уходу вовнутрь, декларируемому во «Фрагментах» Новалиса, Эллис противопоставил активное изучение внешнего мира, для него созерцание не отделено от активной аналитики реальности, как у Новалиса, скорее это является единым процессом. Эллис полагает, что созерцание как процесс всех взаимодействий субъекта и объекта не может иметь ни-

каких границ, и в результате метаморфозы субъекта переходит в «ясновидение, духовидение и теургию» («Итоги символизма») [Эллис 2000, с. 139].

Примером внутренне-внешней работы становится рассмотрение радуги, образуемой игрой солнечных лучей сквозь потоки водопада, когда возможно через редкие земные проявления божественного символа узреть его самого (в данном случае верховным символом является Солнце): «Продолжая сравнение великого поэта-философа, хочется упрекнуть его в том, что он забыл о солнце, о том первичном источнике радуги (“идей”), которое само по себе недостижимо созерцанию, как абсолютное, но без влияния которого необъяснимо появление радуги на каплях воды. Напротив, допустив существование незримого, но рождающего, как свой отблеск, радугу, Светила, т.е. потустороннего, сверхчувственного... мира или положительного бытия конечного объекта созерцания, мы легко выходим из противоречия. Тогда объект созерцания не будет сливаться с самым процессом его, станет понятным появление за феноменальной, видимой оболочкой объектов их идеальной... сущности, станет окончательно понятной и возможность положительного содержания в результате процесса созерцания, а также и победа созерцания над волеием» («Итоги символизма») [Там же, с. 137]. Таким образом, процесс созерцания у Новалиса и Эллиса отличаются как по методу, так и по содержанию. Для Эллиса творческий акт имеет христианское начало, тогда как Новалис, по мнению поэта-символиста, остаётся мистиком.

Нужно отметить, что символ солнца у Эллиса восходит к «аргонавтическому мифу». Вместе с А. Белым и С. М. Соловьёвым Кобылинский был создателем «аргонавтического» кружка в русском символизме [Лавров, 1978, с. 137]. Основной идеей данного направления было «проективное начало», воплощение идеи преобразования мира [Там же, с. 140]. Эллис актуализировал мифологический идеал кружка, а именно сюжет о плавании героев Эллады на корабле «Аргон» за золотым руном, в связи с чем, А. Белый называл его «душою кружка» [Там же, с. 140–141]. В письме к Белому Эллис излагал свое понимание символа «золотого руна», который открылся ему как «условный знак, ... рука, указывающая, где вход в дом, ... фонограф, кричащий: „встань и иди,»» [Там же]. А. Лавров отмечает, что «аргонавтический» миф превратился в разновидность эсхатологического мифа: «... искание “золотого руна” уподоблялось устремлению к солнцу, в котором, в свою очередь, открывалось достижение окончательного гармонического примирения “земного” и “небесного” начал» [Там же, с. 143].

Несмотря на очевидный генезис символа солнца у Эллиса, его отноше-

ние к аргонавтам и, в частности, к Андрею Белому, в конце 1900-х гг. изменилось кардинально. В очерке о Белом из цикла «Русские символисты» (1910) он отмечал эсхатологическое начало идей аргонатов как трагическое, особенно выразившееся в книге «Золото в лазури» (1904): «Заговорив о последнем конце, Вл. Соловьев и Ницше должны были погибнуть; они и погибли, завещав нам только ряд поставленных ими вопросов. Тот же путь к преждевременному костру пролегал и для А. Белого в его первой же книге “Золото в лазури”» [Эллис, 1998, с. 219]. Эллис полагает, что А. Белый – страдалец, если свести «эволюцию А. Белого к одному основному символу» (полет к солнцу), высокая миссия достижения солярного идеала золотого руна провалилась. В метафорических высказываниях Эллиса Белый отчасти приравнивается к Икару: «... он был сожжён, как и все подобные ему безумцы; испепелённый труп его пал на землю <...> где вечны только страдание, смерть и юдоль» [Там же, с. 192].

Данные идеи отразились и в поэтическом творчестве Эллиса, где символика солнца трагична и соотносится, прежде всего, с мифом о Фазтоне в одноимённом стихотворении из книги стихов «Stigmata» (1911), написанном через год после публикации цикла о «Русских символистах». Миф о Фазтоне также представлен в эсхатологическом ключе, как и образ А. Белого, чей путь аргоната Эллис называет «полётом», а не «плаванием», что было бы более логично в связи с мифологическим первоисточником. Важен и тот факт, что Фазтон – это безумец, жаждущий гибели ради обретения вселенских «солнечных» тайн среди зодиакальных созвездий («Мечтой безумною мой разум окрылился.../ Быть может, я прошу о гибели своей!..») [Эллис, 1996, с. 53], а потому падение его на колеснице Феба обусловлено дерзостью надменного возницы: «Весь мир огнём лучей сжигая,/ он сам горит <...> Горячий взор исполнен муки,/ но мчится гибель по следам <...> Вот грянул гром, стрелой пурпурной/ означен молнии зигзаг./ Окончен бег безумца бурный –/ то Вышней Воли грозный знак!..» [Эллис, 1996, с. 59]. В образе Фазтона, возможно, подразумевается и А. Белый, которого Л. Л. Кобылинский считал погибшим аргонатом, не достигшим священного Солнца. Нужно отметить, что и в стихотворении, посвящённом А. Белому, Эллис описывает павшего и пригвождённого страдальца-идеалиста, чей взор обращён к «вечному куполу», где царит Бог: «И много ты страдал, от грёзы пробужден,/ И мыслью ко кресту не раз был пригвождён;/ <...>/ Ты видел перламутр на райских небесах/ И Бога светлый лик, встающий на водах» [Эллис, 2000, с. 397]. В книге «Арго» (1914) в одноимённом стихотворении солярный миф поэтов-аргонатов реализуется в сюжете бесцельного скитания в поисках иллюзорного идеала,

в чём Эллис расходится с изначальной идеей младосимволистов о витальности всемирного Светила: «Аргонавтов печальных семья.../ Стонет ветер, нет отзвона горестной жалобе./ “Где вы, где вы, иные края?!” <...> Где же ты, золотое руно?» [Эллис, 1996, с.105].

В «Предисловии» к этой книге идеал Солнца, характерный для аргонавтов, заменён новалисовским голубым цветком: «Тогда в тишине и пустоте отчаяния, подобно блуждающему огоньку, вспыхивает Голубой цветок, как иная весть об ином Рае <...> как знак избранных и мучеников вечно-женственного» [Эллис, 1996, с. 103]. Голубой цветок в трактовке Эллиса оказывается амбивалентным символом, с одной стороны, это тот же знак идеального божественного мира, который предстал для аргонавтов в образе золотого руна, а с другой, – это страшный символ, в чьих лепестках поэт увидит не лик Вечно-Женственного, а свой собственный и «Кто узрит его, станет безумным!» [Там же, с. 103]. Голубой цветок – зеркало, в котором герой-искатель видит свою истинную несовершенную природу, что приводит его к внутреннему апокалипсису. В «Предисловии» Эллис развивает мысль о Великом Символе. В очерке об А. Белом стремление к постижению трансцендентного идеала не только возвышает героя, но и сжигает его, уничтожает; путь к обретению иллюзорной мечты равнозначен духовной гибели, так как «внутренняя гармония человеческого духа требует, чтобы жажда бесконечного сама была бесконечной» [Эллис, 1998, с. 194]. Такое понимание стремления к идеалу, согласно Эллису, характерно и для романтиков, и для символистов [Там же, с. 193]. Новалис и Белый для него объединяются в мистическом созерцании, в стремлении к постижению неведомого; трагедия заключается в том, что голубой цветок и золотое руно недостижимы, а потому оба поэта называются мучениками во имя Великого Символа.

В приведённой цитате о Белом Эллис упоминает «метод созерцательного постижения». Для него созерцание является более широким понятием, включающим в себя процесс символизации действительности и познания запредельного, это обуславливает и отчасти критическое отношение поэта и к немецкому романтику. Главным отличием является то, что Эллис не только отрицает идеалистическое, полное надежды воззрение Новалиса, но и оперирует символистской терминологией, усиливая при этом христианское начало в мотиве поиска. Для него созерцание – это не просто способ постижения ирреального и слияния с универсумом, это акт теургический, одно из проявлений символистского религиозно-христианского миротворчества, о чём он также пишет в «Предисловии» к книге «Арго». Осознав неправильность своего пути, творец стремится назад

ради обретения рая; его странствие равнозначно паломничеству, отречению от всего земного. К утраченному раю есть только «путь нищеты духовной, чистоты и смирения», тому, кто решил им следовать предстанут три символа, «равных которым не было и не будет: крест монаха, чаша рыцаря и посох пилигрима» [Эллис, 1996, с. 104]. Именно таким образом Эллис декларирует свое понимание роли поэта как поэта религиозного, стремящегося к святости. Е. Глуховская отмечает трёхуровневую композицию книги «Арго», иллюстрирующую концепцию Эллиса, где три пути ведут к «единственному – мистическому» и провозглашается культ Марии [Глуховская, 2013б, с. 19]. Настоящее странствие возможно лишь в религиозном ключе. Раздел «Голубой цветок» в этой книге противопоставлен финальной поэме «Мария», где, в отличие от аргонавтов и искателя голубого цветка, герой-рыцарь находит идеал Вечной Женственности в образе Богоматери, и обретает вечную гармонию: «Знакомые встают пред ними стены, / блестящий шпиг, плесканье голубей, / святой обряд, разлука, стыд измены, / вся цепь надежд, падений и скорбей, / небесный свет видений, мрак бездонный, / и с ликом смертным слитый Лик Мадонны! // Безумные их сочетали узы, / их не дано меж смертными назвать; / но навсегда меж рыцарей союзы, / и людям тех цепей не разорвать, – / замкнулся круг и впредь не разомкнётся, / пройдут века, и снова все вернётся» [Эллис, 1996, с. 196].

В «Мюнхенских письмах» (1912) Кобылинский противопоставляет романтизм религиозному оккультизму: «... разве первые романтики, плакавшие над Руссо, могли... представить себе, что немного времени потребуется, и они предпочтут всем свободным договорам от природы свободных людей <...> престелям... во всем прекрасной Природы – полутёмные каменные своды, а голубым цветам – чёрные чётки» [Эллис, 1998, с. 185]. Культ Вечной Женственности у Новалиса Эллис называет псевдоготикой в статье «Vigilemus!»: «Должно будет отнять религиозный смысл и у большинства, так называемого романтического молитвословия, которое всегда мистично – прежде всего, у Новалиса, “Marienlieder” которого являются ярким примером лже-готики в романтизме» [Там же, с. 260]. Эллис отрицает религиозность в культе Вечной Женственности Новалиса, проявившемся в романе «Генрих фон Офтердинген» (1799–1800) в образах Цианы, Матильды и Фрейи, йенский романтик для него – представитель наивного идеалистического мистицизма XVIII–XIX вв.³ Эллис избирает путь религиозного мистика, для которого христианская символика Данте – сильное

³ Нельзя не отметить близость Эллиса взглядам И. Ф. Анненского, в чьих флорентийских письмах Генрих фон Офтердинген осмыслен как несчастный человек, обречённый всю жизнь искать свой идеал [Памятники культуры, 1983, с. 113]

искусство, противопоставленное «бессильному» мистицизму романтиков: «Глубокое убеждение Новалиса <...> в том, что эпоха постижимости духа Божьего миновала и смысл вселенной навсегда безнадежно затерян, – лучший собственный приговор адогматического мистицизма, гиератического романтизма и всего того вежливого и совершенно бессильного всеединого хаоса, неумирающего голубого Ничто в розовом Всё, что в начале начал исходит из Экхарта» [Эллис, 2000, с. 332–333]. В статье «Vigilemus!» Эллис разовьет эту мысль, отмечая, что «голубой цветок» Новалиса превратился в «мистическую розу» символистов [Там же, с. 309]. В трудах этого поэта голубой цветок упоминается и как символ чистого искусства, противопоставленного «пошлому реализму», о чем он пишет в эссе «О сущности символизма», отмечая, что в современной ему литературе “голубой цветок” стал уже “зелёной гвоздикой” [Эллис, 1998, с. 19–20]⁴.

Итак, в творчестве Эллиса образ Новалиса оказывается воплощением мистического идеализма, следования идеалу голубого цветка, достичь который невозможно. В данном случае необходимо учитывать, что в своих взглядах Эллис полемизирует с Вяч. Ивановым и А. Белым. Для Вяч. Иванова Новалис представлял как теург, певец небесной любви, Орфей-Пророк, что во многом связано с усвоением античной традиции этим символистом. Но для обоих поэтов Новалис является предтечей символизма, а голубой цветок становится прототипом мистической розы. Однако для Эллиса большую значимость имеет христианское начало в искусстве, поиск Христа и Богоматери, в чём он расходится с Ивановым. Другим важным моментом является то, что Эллис отвергает позицию Новалиса в вопросе, касающемся мистического созерцания, позволяющего прозреть Первосимвол голубого цветка. Эллис приравнивает символ золотого руна («аргонавтический миф») к голубому цветку, тем самым сближая идеи Новалиса и А. Белого. Поиск иллюзорного идеала ведёт поэта-искателя не к достижению идеала и преображению, а к безумию, в связи с чем, акцентируются эсхатологические мотивы. Герой обрекает себя и весь окружающий мир на гибель, сожжение в лучах божественного Солнца, что актуализируется как в теоретических работах Эллиса, так и в его поэзии. Во взглядах Л.Л. Кобылинского происходит поворот к христианскому мистицизму Данте Алигьери. Истинный поэт может быть ведом исключительно Богом, а целью его поисков, близких подвигам крестоносца или рыцаря Короля Артура, становится Мария или Святой Грааль, нахождение которых знаменует обретение чаемого Рая.

⁴ Роман Р. Хиченса «Зелёная гвоздика» (1894), пародирующий «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вахтель, М.** Дополнения к «Лире Новалиса» Вячеслава Иванова / М. Вахтель // Русская литература. – 2011. – Вып. 4. – С. 61–64.
2. **Глуховская, Е. А.** К вопросу о Вечной Женственности у русских символистов (на примере поэзии Эллиса) / Е. А. Глуховская // Лесная школа. Труды VI Междунар. Летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. – Пос. Поляны (Уусикиркко), 2010. – С. 215–222.
3. **Глуховская, Е. А.** Меланхолический романтизм русского символизма. Автобиографический миф Эллиса в эпистолярных и поэтических текстах 1912 года / Е. А. Глуховская // Летняя школа по русской литературе. – 2020. – № 1–2 (16). – С. 110–129.
4. **Глуховская, Е. А.** Творческий путь Эллиса в контексте русского символизма (1903–1914): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филол. наук: Специальность: 10.01.01 – Русская литература / Глуховская Елена Александровна. – Санкт-Петербург, 2013. – 27 с.
5. **Глуховская, Е. А.** Эллис и Э.К. Метнер: К истории издания книги *Арго* (1914) / Е. А. Глуховская // Русская литература. – 2015. – № 77 (4). – С. 519–531.
6. **Глуховская, Е. А.** Этапы становления “*Stigmata*” Эллиса как книги стихов: допечатная подготовка / Е. А. Глуховская // Текстология и историко-литературный процесс. Матер. I Междунар. конф. молодых исследователей. – Москва: изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – С. 89–96.
7. **Давыдова, Е. В.** Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран Зарубежья / Давыдова Екатерина Владимировна. – Москва, 2001. – 25 с.
8. **Данилович, Т. В.** Концепция чистого искусства в осмыслении Эллиса и представителей русской эстетической критики середины XIX века / Т. В. Данилович // Вестник Национальной Академии наук Белоруссии. Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 4. – С. 81–87.
9. **Денисова, Е. А.** Мифологический сюжет о голубом цветке в сборнике стихотворений Тэффи «Семь огней» / Е. А. Денисова, И. Е. Лоцилов // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 118–126.
10. **Золотницкий, Н. Ф.** Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. – Москва: Т-Око, 1992. – 362 с.

11. **Иванов, В. И.** Собрание сочинений: в 4 т. / В. И. Иванов. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. Т.4. – 804 с.
12. **Лавров, А. В.** Мифотворчество «аргонавтов» / А. В. Лавров // Миф – фольклор – литература. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 137–170.
13. **Молдавская, О. Е.** Новалис в России (XIX – начало XX веков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.05 – Литературы народов Европы, Америки и Австралии / Молдавская Ольга Евгеньевна. – Москва, 1997. – 24 с.
14. **Новалис.** Фрагменты / Новалис. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. – 317 с.
15. **Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник / Памятники культуры–1981.** Ленинград: Наука, 1983. – 512 с.
16. **Поляков, Ф.** Ранняя редакция сборника Эллиса «Крест и Лира»: попытка реконструкции / Ф. Поляков // Литературный факт. – 2021. – № 1 (19). – С. 312–324.
17. **Севастьянова, В. С.** Новалис и образный мир русского символизма: «тьма» Андрея Белого / В. С. Севастьянова // Пушкинские чтения. – 2014. – № 19. – С. 172–177.
18. **Чернявский, И. В.** Мистический мир Новалиса: философия, традиция, поэтика / И. В. Чернявский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2025. – 334 с.
19. **Эллис.** Стихотворения и поэмы / Эллис. – Томск: Водолей, 1996. – 287 с.
20. **Эллис.** Русские символисты. Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый / Эллис. – Томск: Водолей, 1998. – 288 с.
21. **Эллис.** Неизданное и несобранное / Эллис. – Томск: Водолей, 2000. – 480 с.

REFERENCES

1. **Chernyavsky, I. V.** Misticheskiy mir Novalisa: filosofiya, tradiziya, poetika / I. V. Chernyavsky. – Sankt-Peterburg: Aleteya, 2025. – 334 s.
2. **Danilovich, T. V.** Konceptsiya chistogo iskusstva v osmyslenii Ellisa i predstaviteley russkoy esteticheskoy kritiki serediny XIX veka / T. V. Danilovich // Vestnik Natsionalnoy Akademii nauk Belarussii. Seriya Gumanitarnyye nauki. – 2015. – №. 4. – S. 81–87.
3. **Davydova, E. V.** Tvorchestvo Novalisa v kontekste russkoy literatury KHKH veka: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk: spetsial'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura, 10.01.03 –

Literatury narodov stran Zarubezh'ya / Davydova Yekaterina Vladimirovna. – Moskva, 2001. – 25 s.

4. **Denisova, E. A.** Mifologicheskiy syuzhet o golubom tsvetke v sbornike stikhotvoreniy Tehffi “Sem’ ogney” / E. A. Denisova, I. E. Loshchilov // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. – 2018. – № 2. – S. 118–126.

5. **Ellis.** Neizdannoe i nesobrannoe / Ellis. – Tomsk: Vodoley, 2000. – 480 s.

6. **Ellis.** Russkie simvolisty. Konstantin Bal'mont. Valeriy Bryusov. Andrey Belyy / Ellis. – Tomsk: Vodoley, 1998. – 288 s.

7. **Ellis.** Stikhotvoreniya i poetry / Ellis. – Tomsk: Vodoley, 1996. – 287 s.

8. **Glukhovskaya, E. A.** K voprosu o Vechnoy Zhenstvennosti u russkikh simbolistov (na primere poezii Ellisa) / E. A. Glukhovskaya // Lesnaia shkola. Trudy VI Mezhdunar. Letney shkoly na Karelskom perescheyke po russkoy literature. – Polyany. Uusikirkko, 2010. – S. 215–222.

9. **Glukhovskaya, E. A.** Ellis i E.K Metner: k istorii izdaniya knigi Argo (1914) / E. A. Glukhovskaya // Russkaya literatura. – 2015. – Vol. 77 (4). – S. 519–531.

10. **Glukhovskaya, E. A.** Etapy stanovleniya “Stigmata” Ellisa kak knigi stikhov: dopechatnaya podgotovka / E. A. Glukhovskaya // Textologiya I istoriko-literaturniy protsess. Mater. I Mezhdunar. konf. molodykh issledovateley. – Moskva: Izd. MGU im. M. V. Lomonosov. – 2013. – S. 89–96.

11. **Glukhovskaya, E. A.** Melankholicnyj romantik russkogo simbolizma. Avtobiograficheskij mif Ehllisa v epistolyarnykh i poehticheskikh tekstakh 1912 goda / E. A. Glukhovskaya // Letnyaya shkola po russkoy literature. – 2020. – № 1–2 (16). – S. 110–129.

12. **Glukhovskaya, E. A.** Tvorcheskij put' Ellisa v kontekste russkogo simbolizma (1903–1914): avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filol. nauk: Spetsial'nost': 10.01.01 – Russkaya literatura / Glukhovskaya Yelena Aleksandrovna. – Sankt-Peterburg, 2013. – 27 s.

13. **Ivanov, V. I.** Sobraniye sochineniy: v 4 t. / V. I. Ivanov. – Brussel': Foyer Oriental Chretien, 1987. – 804 s.

14. **Lavrov, A. V.** Mifotvorchestvo “argonavtov” / A. V. Lavrov // Mif – folklor – literatura. – Leningrad: Nauka, 1978. – S. 137–170.

15. **Moldavskaya, O. E.** Novalis v Rossii (XIX – nachalo XX vekov): avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk: spetsial'nost' 10.01.05 – Literatury narodov Yevropy, Ameriki i Avstralii / Moldavskaya Ol'ga Yevgen'yevna. – Moskva, 1997. – 24 s.

16. **Novalis.** Fragmenty / Novalis. – Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2014. – 317 s.

17. **Pamyatniki kul'tury.** Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya / Pamyatniki kultury. – Ezhegodnik–1981. Leningrad: Nauka, 1983. – 512 s.

18. **Polyakov, F.** Rannaya redaktsiya sbornika Ellisa “Krest i Lira”: popytka rekonstruktsii / F. Polyakov // Literaturnyy fakt. – 2021. – Vol. 1. (19). – S. 312–324.

19. **Sevast'yanova, V. S.** Novalis i obraznyj mir russkogo simbolizma: “t'ma” Andreya Belogo / V. S. Sevastianova // Pushkinskie chteniya. – 2014. – № 19. – S. 172–177.

20. **Vakhtel', M.** Dopolneniya k “Lire Novalisa” Vyacheslava Ivanova / M. Vakhtel' // Russkaya literatura. – 2011. – Вып. 4. – S. 61–64.

21. **Zolotniczky, N. F.** Tsvety v legendakh i predaniyakh / N. F. Zolotniczky. – Moscow: T-Око, 1992. – 362 s.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026 г.